

Светлана Алешина

Не люблю поддавки

Часть сборника
Тень на плетень (сборник)

Светлана Алешина
Не люблю поддавки
Серия «Новая русская»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134720

*Алешина С. Тень на плетень. Не люблю поддавки: Повести.: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-008419-6*

Аннотация

«...Маринка стояла покрасневшая, с вытаращенными глазами и испуганно глядела на меня.

– Извините, спасибо, до свидания, – подавленно сказала она и положила трубку.

– Вот тебе и на, – сказала она, возвращаясь за стол.

– Ты о чем? – настороженно спросила я, подозревая что-то нехорошее.

– Ты представляешь, – сказала Маринка, глядя на меня как-то странно, – мне эта секретарша сказала, что Пузанов у них работает.

– Ну и?

– Ну только его сейчас нет на работе, потому что... – Маринка замаялась, – потому что он вчера похоронил жену. Она повесилась и оставила записку, что... ну в общем из-за статьи в нашей газете она это сделала...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Алешина

Не люблю поддавки

Глава 1

И эта история началась тоже в понедельник. По вторникам у нас обычно все нормально, потому что это второй день недели и мы все успеваем адаптироваться. По средам же в редакции самая напряженка – начинаем верстать номер. По четвергам – как сложилось еще с канувших советских времен – рыбный день, то есть никакой. Вялотекущий. Ну, пятница – понятное дело – последний день перед выходными, и о ней даже думать особо не стоит. О субботе и воскресенье говорить не приходится, и так все ясно – это самые лучшие дни. И я спорить ни с кем не собираюсь по этому поводу. Лучше воскресенья может быть только Новый год и еще мой день рождения, если я не слишком устаю от подготовки к нему.

К сожалению, разговор пойдет не о дне рождения, а о нудных и мерзючих буднях, которые открываются самым поганым днем на свете.

Сегодня, в обычный понедельник, я была в неплохом настроении, наверняка потому, что вчера у нас была хорошая погода. То, что сегодня прохладно и пасмурно, асфальт мок-

рый, а воздух напоен сыростью, меня уже мало волновало, главное, что вчера было солнечно и я провела все это время с пользой и удовольствием.

Непонятно? Ну это же просто: я вчера ходила на городской пляж. Новый сезон, новый купальник, отсутствие новых забот и, главное, погода классная. Было тепло, солнечно и просто здорово.

Поэтому и сегодня на работе все было хорошо, хорошо до тех пор, пока Маринка не вздумала достать нас всех очередной дурацкой идеей. Загорелось ей переставить мебель в комнате редакции. Она, видите ли, начиталась книжек по фэн-шуй – эта такая китайская геомантия – и теперь решила умиловить всех китайских духов за наш, разумеется, счет.

После того как мы с ней немного пободались, причем Сергей Иванович очень активно выступил на моей стороне и обозвал Маринкины закидоны злобным суеверием, мешающим жить нормальным людям, Маринка надулась, хоть и внешне успокоилась, но все равно в плавном течении дня наметился маленький бекрень.

Никто и не предполагал, что этот бекрень выльется в большой бенц, что судьба, можно сказать, намекнула: ребята, готовьтесь, приближается буря, шторм, тайфун и цунами, крепите такелаж и пишите завещания.

Не осознала я намек судьбы, о чем вскоре и пожалела.

Даже когда цунами приблизилось, все равно его, родимо-

го, не узнали мы с первого взгляда. А кто бы узнал? Вот сами и попробуйте.

С утра у меня было целых три посетителя, и все трое, как сговорившись, начали монотонно, но весьма настырно пить мою кровь по поводу неверных или оскорбляющих их достоинство публикаций в нашем «Свидетеле».

Сначала пришел какой-то офицер запаса и долго объяснял мне, что австрийский пистолет «глок», прописанный нами в одной статье, создан из современных материалов, с использованием металлокерамики, и по этой причине его трудно определить на таможне с помощью спецприборов. На экране высвечивается что-то непонятное и на пистолет не похожее, а мы написали не так.

После лекции о пистолете этот офицер, поругав нас за несерьезный подход к теме, вызвался стать у нас штатным консультантом по стрелковому оружию.

Маринка долго возмущалась после его ухода. Дело в том, что статью написала именно она и очень гордилась ее военной направленностью.

– Он еще мне будет объяснять, как выглядит «глок»! – шумела она, перекидывая бумажки на своем столе. – Да я сама ему объясню все что угодно, причем очень подробно! Даже то, чего сама не знаю!

Второй посетительницей была бабка, торгующая семечками и сигаретами на рынке. Она указала нам на неправильно написанную уже в другой статье фамилию милиционера-взя-

точника и пообещала предоставить нам целый список коррупционеров из Кировского РОВД, начиная с дворников и сантехников.

Я долго ее благодарила за активность и лично проводила к выходу, чтобы убедиться, что она ушла. Вернувшись, я строго-настрого запретила Маринке пропускать ко мне эту сестренку Павлика Морозова и только после чашки кофе и сигареты немного успокоилась.

Третьим, уже во второй половине дня, пришел молодой человек лет тридцати, работающий вроде бы шофером, а может быть, и слесарем. Он сказал, что фотографии, сделанные в ночном клубе «Времена года» Виктором и служившие иллюстрацией к моей статье, задевают как достоинство его жены, так и его тоже...

Всем своим посетителям я искренне пообещала опубликовать опровержения в следующих номерах. Так вот, военный и бабка ушли вполне довольные уже тем, что их терпеливо выслушали, а молодой человек покачал головой и только удобнее уселся на стул для посетителей, стоящий напротив моего кресла.

Я не придавала значения такой мелочи: ну сидит, ну не согласен, ну мнет в руках газету... Подумаешь!

Я вздохнула и, набравши полные легкие воздуха и полные нервы терпения, достаточно корректно сказала, еще и не догадываясь, что нежданная буря уже на подходе и вот уже сидит передо мною в виде молодого человека самой обыкновенно-

венной наружности:

– Я все вам объяснила? У вас еще есть какие-то вопросы ко мне?

– Все, – пробормотал он. – Вы все мне объяснили! – громче произнес он, и я заметила, как лихорадочно зажглись его глаза.

«Мама моя родная, – предчувствуя панику, подумала я, – он псих! Он же псих самый натуральный. Сейчас побьет или убьет».

Не буду скрывать, я немного испугалась и настороженно уставилась на моего гостя, слушая, что он мне говорит.

– Вы мне объяснили все, – заговорил он, вздрагивая всем телом, словно сквозь него пропускали электрический ток малыми порциями, – а теперь давайте-ка я вам сейчас объясню кое-что. Я объясню вам, что ваши извинения мне на х... не нужны! Вы понимаете?

Я кивнула, демонстрируя безусловную понятливость и готовность все понимать и впредь, и осторожно протянула левую руку к селектору. Если Виктор сейчас у себя, то мне достаточно будет нажать кнопку. Виктор сам все услышит и прибежит мне на помощь. Жаль только, что фотолаборатория находится не в соседней комнате...

– Не шевелитесь! – крикнул молодой человек и сильно хлопнул ладонью по столу. Телефон, до этого спокойно стоящий на месте, подпрыгнул от неожиданности и отшатнулся ближе к краю стола, селектор что-то тонко звякнул, а я про-

сто вздрогнула.

– Вы в вашей похабной газетенке, – молодой человек поднял смятый номер газеты, которую до этого вертел в руках, – пишете всякую херь про нормальных людей! Понимаете вы это?! Про нормальных! А люди бывают разные! Не все такие толстокожие суки, как вы, неуважаемая Ольга Юрьевна!

Он сделал паузу и повторил уже издевательским тоном:

– Ольга Юрьевна! Скажите, пожалуйста, какие мы важные! Сколько тебе лет, девочка, что ты расселась тут и вообразила себя главным редактором?! Это от большого ума, что ли? От семи пядей во лбу или от каких-то других способностей?!

– Что вы себе позволяете? – искренне возмутилась я и нажала все-таки кнопку селектора.

Точнее будет сказать, я протянула к кнопке руку, но тут молодой человек ловким движением наподдал по селектору, и он, подскочив, слетел со стола и рухнул на пол рядом с моим креслом.

Звук получился хороший, громкий. Я отшатнулась назад к спинке кресла и замерла, поняв, что передо мною точно псих. Причем псих опасный, буйный и не контролирующийся свои поступки.

– Расселась тут за большим столом и думаешь, что уже можешь вершить человеческими судьбами?! – орал мой дорогой гость. – Ты никто, ты ничтожество полное, только имеющее доступ к печатному станку! Из-за твоих глупых стате-

ек люди гибнут, ты понимаешь это или нет?! Люди умирают из-за твоей писанины, сука!

Молодой человек уже изо всех сил колотил кулаками по столу, и я с замиранием сердца наблюдала за дробными подпрыгиваниями телефона. Он тоже скоро должен был лечь на пол рядышком с селектором. А потом, возможно, улеглась бы и я – парнишка попался агрессивный.

Дверь кабинета приотворилась, и заглянула Маринка. Увидев происходящее действие, она ойкнула и тут же исчезла за дверью. Это было подло с ее стороны, но оставалось надеяться, что она не забьется под свой стол от страха, а примет надлежащие меры. В отличие от меня у нее перед носом никто не буйствует.

А парень тем временем расходился все больше. А чем дальше, тем становилось страшнее.

Отвлечшись на секунду на открываемую дверь, он снова повернулся ко мне, смахнул-таки телефон и забарабанил по столу обеими руками:

– Ты, сука, тиснула статейку про ночной клуб, прописала там мою жену...

В этот момент дверь кабинета снова распахнулась и в кабинет вбежал Виктор. Слава богу, Маринка не растерялась, позвала его, а Виктор оказался на месте.

Парень на этот раз не расслышал, что дверь открылась, все его внимание было поглощено моей скромной персоной. И что он нашел во мне такого привлекательного? Нельзя, что

ли, было в другом месте поорать? На улице, например!

Парню, видимо, понравился полет селектора и телефона, и он, перегнувшись через столешницу, уже протягивал ко мне свои руки, намереваясь сделать со мной то же самое.

Я вжалась в спинку кресла до самой последней возможности и стала, наверное, плоской, как листик бумаги, а парень все равно продолжал тянуться ко мне...

– Я убью тебя, сука драная! – визгливым фортиссимо заорал он. – Убью тебя, потому что...

В этот момент Виктор и взял его в оборот. Парень сразу и не сообразил, что пора менять объект внимания и переключаться на другого противника, а когда он это сообразил, уже было поздно: обе его руки были завернуты назад, голова опущена к коленям, а чтобы он не лягался, как неразумное вьючное, Виктор еще и приложился раза два по некоторым частям его тела.

Парень вскрикнул еще пару раз и заткнулся.

– Спасибо, Виктор, – пробормотала я, срочно доставая из верхнего ящика стола косметичку. – Еще бы немного, и...

– Я все равно доберусь до тебя, сявка, журналюшка, я все равно доберусь, – хрипел парень, пока Виктор выводил его к двери. – Сдохнешь, сука, как она умерла, сдохнешь! Сдохнешь!

Виктор резкими движениями вытолкал упирающегося парня из кабинета, и сразу же, после того как они вышли, ко мне влетела Маринка.

– Ты цела? – задыхаясь от волнения, крикнула она, обшаривая глазами и меня, и беспорядок на столе и под столом. – Ух, ты! Вот это да!

Я кивнула и почувствовала, что у меня началась нервная дрожь. Крики парня затихали вдали.

В кабинет вошли взволнованные Сергей Иванович и Ромка.

– Все нормально, Ольга Юрьевна? – спросил Сергей Иванович, и я ему кивнула, стараясь изо всех сил сдержаться и не расплакаться.

– Что нормально? Что нормально? – накинулась на них обоих Маринка. – Не видите, что ли, она в шоке?! С ней сейчас истерика случится, и она...

– Тс-с! – сказала я, приложив палец к губам.

Я вовсе не собиралась пошутить, просто поняла, что из всех возможных звуков только это «тс-с» у меня получится достаточно похоже на себя.

– Что? – громко переспросила у меня Маринка и, повернувшись, крикнула присутствующим: – Всем молчать! Она и так переволновалась, дальше некуда!

Хотя, кроме Маринки, никто и не разговаривал, но Сергей Иванович и Ромка поняли, что лучше не спорить, а то вместо одной близкой к истерике дамы они запросто могут получить двух, а это уже многовато даже для таких испытанных кадров, как наши замечательные сотрудники.

Сергей Иванович, оценив обстановку, вышел, а Ромка,

как юноша менее умудренный в житейских проблемах, затормозился и на свою беду проявил заботу:

– Может быть, нужно «Скорую» вызвать?

Тут и прорвало, да, слава богу, не меня, а Маринку. Она, как не скажу какое мифологическое существо, бросилась на Ромку.

– Себе вызывай «Скорую», недоумок малолетний! – рявкнула она. – Сказано тебе: иди кофе ставь, значит, ставь, да смотри не ошибись в количестве!

Ромка наконец-то просек, что от него требуется всего лишь убраться отсюда, и как можно быстрее, и его словно ветром сдуло. Он даже дверь притворил за собой.

Увидев, что раздражающих факторов больше нет, Маринка повернулась ко мне.

– Он тебя не ударил? – спросила она.

– Нет, – прошептала я.

– Ну и слава богу, – сказала она, – а то я так перепугалась! Ты и не представляешь, что я почувствовала, как только услышала, как у вас тут что-то ломается. – Маринка наклонилась и подняла с пола телефон. – Это телефон первым упал? Или селектор? Кошмар! Сволочь! А потом, как только я увидела, что здесь происходит, ты не поверишь, у меня, кажется, даже паралич легких случился. Временный! Ни вдохнуть, ни выдохнуть! Ну, думаю, все, абзац нашей Оленьке, и никогда мы ее больше не увидим в целости и сохранности!

Я дрожащей рукой нащупала в ящике стола пачку сигарет и с трудом выбила из нее одну.

Маринка тем временем подняла с пола селектор.

– Совсем ведь разбил вещь, сволочь! Так ты говоришь, что он телефон первым уронил? Так я и думала!

Я, помучив и себя, и зажигалку, прикурила, а Маринка продолжала переживать свои переживания заново:

– А ведь показался нормальным молодым человеком, я даже подумала, что... ну неважно, в общем... а он, ты только посмотри, как разошелся! Ты что-то ему не то сказала, да? Он, наверное, про мусорные баки под окнами дома говорил, да? Они почему-то все звереют насчет этих баков...

Я с наслаждением сделала две затяжки и начала заметно успокаиваться. Маринка тем временем подняла с пола смятую газету, ту самую, которой размахивал у меня перед носом этот «нормальный молодой человек».

– Мусора-то сколько у тебя! – брезгливо произнесла Маринка. – Газета откуда-то взялась. Это он ее принес?

Я кивнула и жестом потребовала газету.

– Да зачем она тебе? – удивилась Маринка и прицелилась, чтобы швырнуть газету в урну. – Она же мятая вся, я тебе лучше новый номер дам, хочешь?

– Дай ее сюда, – медленно сказала я почти нормальным голосом.

– Ну вот, дождалась, – обиделась Маринка и заломила брови, – ты мне еще и грубишь! Да что же это такое! – Она

бросила мне газету и, кажется, даже всхлипнула от огорчения, правда, я в этом не уверена. – Я места себе не нахожу, переволновалась вся, я думала, что, пока бегая за Виктором, тебя уже тут убили два раза, а ты мне грубишь! За что?!

Дверь отворилась, и вошел Виктор. Маринка сразу же оставила меня и бросилась к нему.

– А псих где? – строго спросила она, заглядывая Виктору за спину, как будто вышеназванный псих мог прятаться где-то там.

– В милиции, – кратко по своей привычке ответил Виктор, но Маринку эта краткость не устроила.

– Его увезли или увели? В машину посадили? Он точно не вернется? – высыпала она целый мешок вопросов.

Виктор на все три вопроса ограничился одним кивком, повернулся и вышел.

– Ну вот, – пожаловалась Маринка, – и поговори с таким спартанцем. Сразу и жить захочется.

– Во, блин, ну что за жизнь такая, – Маринка передернула плечами и нервно забарабанила пальцами по столешнице, – живем, как дикари... как...

– Как Робинзон Крузо, – напомнила я.

– Точно! – резко кивнув, сказала Маринка. – Только у него хоть Пятница был, а у нас сегодня что?

– Понедельник, – проворчала я.

– Вот именно!

Я в это время разглядывала, положив перед собой на стол,

газету, которую оставил мой нервный посетитель. Несколько фраз из его в общем-то бессвязных и бессмысленных криков не давали мне покоя.

Снова отворилась дверь, и вошел радостно улыбающийся Ромка.

– Ольга Юрьевна, – доложил он, показывая поднос с кофеваркой и чашками, – а вот я кофе свежий принес. Запах-то какой! Правда, здорово?

Ромка прошел к кофейному столику и поставил на него поднос.

Маринка, бросив взгляд на меня, потом на Ромку, поняла, что из меня многого не выжмешь. Она подошла к Ромке и молча оттеснила его от столика.

– Уйди отсюда, испарись! Вечно все делаешь не так, как нужно, подросток наглый!

Ромка послушно отошел на шаг в сторону и встал около зеркала, висящего у стены.

– У меня в столе лежат сушки, – буркнула ему Маринка, – тащи сюда! Можешь и сахарницу с собою прихватить. Без сахара кофе пить как-то неудобно, – ядовито добавила она, и Ромка быстро вышел, опасаясь еще нарваться на ее крики.

– Ну пойдем, Оль, кофейку дербалызнем, – приподнято сказала Маринка, – хватит тебе переживать и дуться. Ты слышала: увезли его в милицию. Дадут за хулиганство суток пятнадцать или в психушку отправят. Там ему самое место. А ведь казался таким нормальным человеком! Я-то сначала

думала, что это старая гримза будет мозги компостировать, а получилось, что и ошиблась. Вот так вот: век живи, век учишься, а все равно что-нибудь новенькое да увидишь.

Я медленно вышла из-за стола, все еще держа в руках смятый номер газеты.

Вернулся Ромка, и с ним подошел Сергей Иванович.

Посмотрев на меня, Сергей Иванович молча сел на свое привычное место за кофейный столик. Позвали Виктора, уже успевшего удалиться в фотолабораторию, и вся редакция была в сборе и приготовилась к традиционному кофепитию.

– Кто это был? – задала я, наконец, первый здравый вопрос.

– Псих, что ли? – моментально поняла меня Маринка. – Я не помню, но сейчас посмотрю.

Она легко сорвалась с места и устремилась в редакцию. Появилась Маринка почти сразу, держа в руках толстенькую тетрадку с замятыми углами и с фотографией Фредди Меркьюри на обложке. Что у Маринки не отнять, так это, помимо умения варить кофе, еще и сравнительную аккуратность в делах. Например, она всегда тщательно записывала почти всех посетителей, и чем интереснее казался ей человек, тем подробнее она выпрашивала его биографию. Для редакции в этих сведениях проку было мало, а вот для Маринки, наверное, много. Что ее заставляло выписывать все эти подробности, не знаю, но, одним словом, записи она вела

и вот сейчас вернулась именно с ними.

– Сейчас все скажу, – Маринка лихорадочно перелистывала тетрадь.

На пол из тетради выпали проездной билет, кажется, за февраль прошлого года, фантик от карамельки и еще какая-то бумажка.

– Все архивы тут с вами порастеряю, – проворчала Маринка, подбирая с пола свое добрище. – Значит, псих у нас был... у нас псих... ага! Кстати! А как тебе этот майор запаса, Оль? Он, между прочим, вдовец, и у него квартира в Солнечном поселке. Двухкомнатная, комнаты смежные.

– Без эмоций, – ответила я.

– Не без эмоций ты, а без романтики, – кольнула меня Маринка, – а мне он даже как-то пришелся... Он такой, как бы это сказать... одним словом, военный, вот!

Маринка перевернула страницу, а тем временем Ромка, устав ждать нашу главноуправляющую кофейным имуществом, начал разливать кофе по чашкам.

– Нашла, наконец, – сказала Маринка, щелкая пальцем по странице, – этот псих зовется в миру Пузанов Николай Николаевич, шофер, работает в СПАТП-3. На чем он шоферит, я так и не узнала, неразговорчивый оказался парень.

– С тобой, – уточнила я.

– Ну да, – охотно подтвердила Маринка, – ты-то сумела его расшевелить, я заметила. Поделишься методом?

– Обязательно, – буркнула я и, взяв чашку с кофе, про-

должила просматривать газету, оставленную у меня в кабинете Пузановым.

– Так с чего же он так взбеленился? – спросила напрямик Маринка, сообразив, что нечего ей ждать милости от природы и нужно брать самой.

– Ему не понравилась какая-то статья в этом номере, – сказала я, отпивая кофе, – что-то там про... – я замолчала, вспоминая, – про его жену, он сказал, а вот где же тут про его жену... Пузанов, ты сказала? – переспросила я.

– Ну да, – кивнула Маринка, заглядывая в свою шпаргалку, – Пузанов Николай Ни...

– Так я же знаю эту фамилию, – начала вспоминать я, – он еще про ночной клуб говорил...

Я развернула газету и на обороте первой полосы увидела свою же большую статью про наш с Виктором поход в ночной клуб «Времена года». Репортаж был дополнен двумя большими фотографиями. Я вспомнила, как Виктор ухитрился фотографировать в мерцающем свете танцевального зала клуба, и пригляделась к одной из фотографий. Здесь была изображена я собственной персоной с одной из постоянных посетительниц, как она мне представилась. Поискав в тексте, нашла нужный мне отрывок.

– Вот что я здесь написала про Пузанову Юлию, – проговорила я и начала негромко вслух зачитывать: – «Я здесь часто бываю, – это ее слова, прервала я саму себя, – мне здесь нравится. Все так классно, ощущение свободы чудесное....»

Та-ак, ага, вот дальше: «Муж не знает, что я здесь бываю, а зачем ему знать? Он у меня такая лапочка... Работает по-сменному, и я скучаю одна дома. А моя фотография будет напечатана? Здорово! Девчонкам покажу»...

Я промолчала и принялась зачитывать дальше, хотя уже вспомнила и свой разговор с Юлей, и подробности своей статьи. Больше ее слов в тексте вроде не было, но я решила на всякий случай пробежать глазами весь текст.

– Ты что замолчала? – спросила Маринка.

– А все, – сказала я, – больше про нее нет ничего. То есть абсолютно.

– Правда, что ли? – не поверила мне Маринка и взяла газету. Пока она изучала текст, я спокойно пила кофе.

– Ольга Юрьевна, – спросил меня Ромка, – так его возмутила именно эта публикация?

– Ну, по крайней мере, я так поняла, – ответила я, – хотя не понятно, в чем тут дело. На что можно обижаться?

– Да, сколько людей, столько и дури в них, – мудро заметила Маринка. – Может быть, его оскорбило, что его назвали лапочкой?

– Так это не я назвала, а его собственная жена, – сказала я.

– А лапочка оказался просто лапой. Лапищей. Псих, одним словом, – подвела итог Маринка, – нечего и думать об этом. Самое место ему на Алтынке у доктора Бамберга, пусть лечится. Вот, представляешь, Оль, такой шофер попадет на дороге, так ведь переедет кого угодно! Или просто вре-

жется и спокойно дальше поедет! Я больше с тобою вместе не езжу! – заявила Маринка.

– Ходить пешком полезно для здоровья, – поддержал Маринкину инициативу Сергей Иванович, – так обычные люди и становятся долгожителями.

– На автобусе будешь ездить, Марин? – спросил ее Ромка.

– А запросто! – лихо ответила Маринка. – И буду нормально себя чувствовать!

– А ведь этот Пузанов в СПАТП работает, – подло напомнил ей Ромка, – сядешь в автобус, а он как раз за рулем окажется. Вот тут-то ты и покатаешься. Подумай!

Маринка подумала и передумала.

– Оля, я пошутила насчет того, что с тобой не буду ездить, – сказала она. – Еще как буду, ведь теперь тебе в любую минуту помощь может понадобиться. Не дай бог, конечно.

– Позвони в это СПАТП, – сказала я.

– Что? – не поняла Маринка и недоуменно наклонила голову набок. – Что мне сделать?

– Позвонить в СПАТП, – повторила я.

– А зачем? – Маринка удивленно посмотрела на Сергея Ивановича, словно ожидая от него подтверждения моим словам или, напротив, совета не делать ничего.

Сергей Иванович срочно наклонился над своей чашкой, и Маринке пришлось слушать меня дальше.

– Представишься, скажешь, что Пузанов, в состоянии аффекта, но совершенно трезвый, приходил к нам и возмущал-

ся публикациями, – продиктовала я программу действий.

– Ну, скажу, ну и что? – все еще не понимала Маринка.

– Послушаешь, что скажут в ответ, – сказала я. – А вдруг он там и не работает? Нет там такого. И этот вариант возможен.

Маринка, приоткрыв рот, посмотрела на меня.

– Засланец! – сказала она. – Шпион от конкурентов, я сразу поняла! Прикинулся психом, а сам посмотрел, какие у нас тут замки, где стоит сейф, и... и вообще... и вообще пора переставлять мебель!

– Чтобы запутать врагов? – спросил Сергей Иванович.

– Звони, звони, – подтолкнула я Маринку, – мне интересно.

Маринка встала, подошла к моему столу и сняла телефонную трубку.

– Ты глянь, работает! – удовлетворенно сказала она. – Значит, СПАТП номер три, – повторила она задумчиво и позвонила сначала в справочную, узнала номер телефона приемной директора и уже потом набрала нужный номер.

– Алло, здравствуйте! – официальным тоном произнесла Маринка. – Вас беспокоят из газеты «Свидетель». Старший референт главного редактора Широкова...

Пока она общалась, я налила себе вторую чашку кофе и почувствовала, что мне стало совсем хорошо и спокойно. Если и был шок или что-то подобное, то он уже прошел. Со всем и навсегда.

Маринка объяснила суть проблемы и замолчала, слушая, что ей отвечают. Я оглянулась на нее. Маринка стояла покрасневшая, с вытаращенными глазами и испуганно глядела на меня.

– Извините, спасибо, до свидания, – подавленно сказала она и положила трубку.

– Вот тебе и на, – сказала она, возвращаясь за стол.

– Ты о чем? – настороженно спросила я, подозревая что-то нехорошее.

– Ты представляешь, – сказала Маринка, глядя на меня как-то странно, – мне эта секретарша сказала, что Пузанов у них работает.

– Ну и?

– Ну только его сейчас нет на работе, потому что... – Маринка замаялась, – потому что он вчера похоронил жену. Она повесилась и оставила записку, что... ну в общем из-за статьи в нашей газете она это сделала.

Глава 2

– Повесилась? – переспросила я, отказываясь понимать то, что прекрасно слышала. Слишком дико и неожиданно это прозвучало. – Как повесилась?

– Да вот так, взяла и повесилась, – зло сказала Маринка и тяжело опустилась на стул, – эта секретарша разговаривала со мною, как с врагом. Представляешь? Со мною, словно я эту статью... – Маринка замолчала и испуганно взглянула на меня: – Извини.

Я оглядела всех присутствующих.

– Я ничего не понимаю, – пробормотала я, – я ничего не понимаю!

Сергей Иванович выглядел удивленным, но не более того. Годы журналистской работы закалили его так, что дай бог каждому. Он покачал головой:

– Вы не заводитесь, Оля, не нужно. Мало ли кто и что говорит. Нужно очень тщательно проверить всю информацию и только потом делать выводы.

– Но она же ясно сказала... – начала Маринка, кивая на телефон.

– Откуда она знает? – перебил ее Сергей Иванович.

– Ну, ей сказали, наверное, – осторожнее проговорила Маринка.

– Кто сказал? – настойчиво спросил Сергей Иванович.

– Пузанов, – пролепетала Маринка и хлопнула себя по лбу, – а, поняла! Он подумал, что виновата статья, и наболтал всем! Псих, урод, скотина!

Маринка схватила газету и уткнулась носом в статью.

– Где?! – спросила она. – Молчи, нашла. Значит, эта Юля говорит следующее...

Маринка прочитала вслух весь тот кусок статьи, что читала и я, и, нахмурившись, отложила газету в сторону.

– Ничего не понимаю. Чушь какая-то, – пробормотала она.

– Разрешите и мне уж ознакомиться. – Сергей Иванович тоже взял газету, тоже прочитал, но, в отличие от Маринки, он нашел в этом абзаце что-то полезное.

– Вы знаете, Оля, слова этой Юлии, что она покажет газету каким-то там своим девчонкам, являются фактическим согласием на публикацию этого мини-интервью с ней. Я так понимаю.

– Нужен Фима! – крикнула Маринка и обратилась ко мне: – Звонить?

– Да подожди ты! – прикрикнула я. – При чем тут Фима? Юридических претензий нам никто не предъявляет. Тут претензии, так сказать, физические. Но дело не в этом. Нужно разобраться...

– А если психа отпустят, – каркнула Маринка, – то придется еще от него и скрываться. В принципе, жалко парня. У него горе, замкнуло его на этой статье, но, с другой стороны,

и нам не легче: убить же может. Или покалечить.

– Лучше убить, – сказала я, – калеккой быть не хочу.

– Никто не хочет, – согласилась Маринка и хлопнула себя по коленке. – Все, решено. С сегодняшнего дня я с тобой не расстаюсь и сотовик твой я таскать буду. Я, а не ты. Потому что нападать будут на тебя, а я тем временем буду звонить. У тебя может не получиться.

– Пока будут убивать, у меня может не получиться позвонить, – медленно сказала я, привыкая к этой мысли.

– Вы не замыкайтесь, Оля, на этом, – строго сказал Кряжковский, – я бы на вашем месте обратился в милицию.

– За физической защитой? – спросила Маринка и крикнула: – Правильно! Пусть дают охрану!

– За информацией! – поправил ее Сергей Иванович. – Если на самом деле было самоубийство, то нужно брать сведения из первоисточника: когда, как и что за записка. Нет ли сомнений у следователя, ну и прочее. Одним словом, нужно решить эту задачку, и чем скорее мы это сделаем, тем целее нервы будут у всех у нас.

– Верно, – сказала Маринка, – я сама хотела предложить то же самое. Нужно разобраться. Позвони, Оля, Фиме, пусть он порасспрашивает. Заодно будет и в курсе событий в случае чего.

Я хмуро посмотрела на Маринку, встала, взяла телефон и вернулась с ним к кофейному столику.

Фимы на месте не оказалось, и я продиктовала его секре-

тарю, что мне очень важно и очень срочно нужно узнать как можно больше про самоубийство Юлии Пузановой, случившееся несколько дней назад.

– Четыре дня назад, – уточнила Маринка.

– Откуда знаешь? – удивилась я.

– Сказали же, что похороны были вчера. Хоронят обычно на третий день, значит, умерла четыре дня назад, – объяснила Маринка свою логику.

– Не факт, – заметил Сергей Иванович, тихо ставя чашку перед собой, – это же не обычная, прошу прощения, смерть, да и в обычных случаях тоже не всегда придерживаются этих сроков. Не нужно уточнять.

Я и не стала. Фимилина секретарша, выслушав меня, все записала и пообещала, что как только, так сразу. Я положила трубку на место.

– Ну что, господа репортеры, – начальственно произнесла я, – как я понимаю, на ближайшие сутки для меня самое важное дело – это выяснить подробности смерти этой женщины. Пока не разберусь, не знаю, как вы, а я и думать ни о чем не смогу, уж я-то с собой знакома.

– Я тоже, – сказала Маринка.

Кофе закончился, Маринка унесла кофеварку, Ромка помог унести все остальное. Все вышли, я осталась одна в кабинете. Закурив, подошла к окну. То, что случилось сегодня, было неожиданно, мало похоже на правду, но от этого на душе спокойнее не становилось.

Покурив и подумав, я решила, что нечего тянуть время, нужно ехать на разведку. Иного ничего больше не придумывалось. Подойдя к зеркалу, внимательно посмотрела на стоящую в нем симпатичную, высокую и... в общем, очень даже не среднестатистическую журналистку, грустно подмигнула ей и спросила вполголоса:

– Дописалась?

Журналистка отрицательно покачала головой, и я поняла, что она не согласна.

Как раз в этот момент в кабинет заглянула Маринка.

– Ну что, все переживаешь? – спросила она. – Ерунда все это, наплюй.

– Наплюю, когда разберусь, – пообещала я. – Ты поедешь со мной?

– Куда это? – Маринка внимательно посмотрела на меня, и я заметила, что она немного испугалась.

Я поспешила успокоить ее:

– Я думаю, нужно съездить пока к дому Пузанова и поспрашивать соседей. Бывают такие соседи, что знают все подробности получше тех, с кем они происходили.

– Они скажут, что Коля с приветом, точно тебе говорю, – сказала Маринка, – зря только потратим и время, и бензин.

– Вот пусть так и скажут, – спокойно произнесла я, – а я послушаю.

– А ты знаешь, где он живет? – Маринка не хотела ехать и выискивала всяческие причины, чтобы оттянуть, а потом и

похерить наш отъезд. Ее понять можно: я тоже здорово напугалась из-за всей этой истории с Пузановым, но, в отличие от Маринки, мне-то необходимо разобраться в этом деле и все.

– Адреса не знаю, – призналась я. – А узнать очень сложно?

Маринка задумалась.

– Справочная дает, кажется, адрес по фамилии, ты не помнишь?

– Какой телефон секретаря директора СПАТП? – спросила я.

– А зачем тебе? – переполошилась Маринка. – Она разговаривала со мною как волчица!

– Я скажу, что я родственница Пузанова, опоздала на похороны и потеряла адрес, – сказала я, – она мне его продиктует и еще объяснит, как удобнее добраться.

В общем, получилось так, как я думала. Единственным дополнением к моему плану явилось то, что секретарша адрес-то продиктовала, а потом напряженно спросила:

– Вы ведь из газеты, верно?

– Почему вы так думаете? – задала я неумный вопрос, сразу же себя и выдав. Но нужно понимать, что я растерялась: что это еще за телепатия по телефонному проводу? Однако в следующей же фразе я получила объяснение:

– Я знаю, что Коля Пузанов воспитанник детского дома. Нет у него никаких родственников. Так вы из «Свидетеля»?

Пришлось признаться и прислушаться к тому, что мне скажут. А выдали мне следующее наставление:

– Пусть этот случай послужит вам уроком, девушка, – жутко назидательным тоном произнесла секретарша директора СПАТП, – бережнее нужно к людям относиться. А вы пишете, не думая ни о чем...

Я вежливо поблагодарила за совет и положила трубку.

– Что она сказала? – спросила Маринка, стараясь по моему лицу угадать результат разговора.

– Пожелала удачи, – буркнула я. – Так ты едешь со мной?

– А как же! И Виктора сейчас позову! – Маринка выскочила из кабинета, а я, взяв свою сумку и проверив, лежит ли в ней все, что мне нужно, пошла следом за Маринкой.

Я попрощалась с Ромкой и Сергеем Ивановичем, они мне пожелали ни пуха ни пера, я послала их к черту и спустилась вниз. Виктор получил от меня ключи моей «Лады», и мы с Маринкой сели на заднее сиденье – там удобнее.

Николай Пузанов жил на окраине города, в районе тракторного завода. Места здесь самые непрезентабельные. Старые, облезлые панельные пятиэтажки росли в соседстве с чахлыми деревьями и дополнялись ободранными кустиками. Все как-то запыленно и убого. Одним словом, райское местечко.

– Здесь даже погулять негде, – заметила Маринка, выглядывая из окна «Лады», – понятно, почему Юлька по ночным клубам шастала. Скучно здесь.

Я промолчала.

Нужный нам дом стоял в ряду тоскливых пятиэтажек и ничем от них не отличался.

Виктор остановил машину на дороге как раз напротив двора дома номер десять по Пятому строительному тупику.

– Название тоже прихотливое какое-то, – меланхолично произнесла Маринка, прочитав табличку на доме.

Во дворе десятого дома гуляли несколько старушек с внуками, две молодые мамы сидели на лавочке у первого подъезда и, покачивая коляски, негромко разговаривали между собой.

– Пошли к девчонкам, – предложила Маринка, – с ними проще найти общий язык, а эти бабки как начнут разводить, так и сама забудешь, что хотела от них узнать.

Я молча вышла из машины, не торопясь, направилась к дому. Маринка догнала меня через несколько шагов.

Мы подошли к первому подъезду и сели на лавочку. Мамаши покосились на нас, продолжая разговаривать. Тема, занимавшая их, была, как водится, тряпочная и жутко неинтересная.

Я покосилась на Маринку, та пожала плечами. Я поняла, что начинать придется мне.

– Извините, девушки, – сказала я. Мамашки замолчали и выжидательно посмотрели на меня, – тут, говорят, вчера похороны были.

– Ну да, – сказала ближайшая ко мне, белобрысая, полная,

с красными пятнами на лице, – Юлька из второго подъезда повесилась. Наша ровесница. Такое несчастье случилось.

– Да довели ее, вот и все, она и не выдержала, – вступила в разговор ее соседка, худая нервная шатенка с короткой стрижкой. – Козлы эти и довели.

– Какие козлы? – наивным тоном девочки-одуванчика спросила Маринка.

И тут позади нас прокукарекал петух. Мы удивленно обернулись. Позади нас в палисаднике спокойно бродили две курицы и один петух.

– Ух ты, – сказала Маринка, сама перебивая ответ на свой вопрос, – а тут деревня рядом?

– Какая деревня? – усмехнулась белобрысая. – Это старуха из последнего подъезда на балконе развела себе курятник. Там у нее курятник, а здесь получается выпас. Житья нет ни днем, ни ночью. Мы хоть наискосок от нее живем, а те, кто под бабкой, те постоянно это «кукареку» слышат. Но куда ж деваться!

– А что вы говорили про эту Юлю? – напомнила я. – Вы сказали, кто-то довел. Как это «довел»?

– Да в газете ее пропечатали в одной, – сказала худая шатенка, – чуть ли не как проститутку ославили: и гуляет она, и трахается за деньги, и мужа своего Кольку ругает, и такая и сякая. Короче, кто-то ей подянку подпустил, вот она и не выдержала. Еще бы: весь город, поди, читал; это ж с ума сойти можно. Как потом людям в глаза смотреть?!

Мы с Маринкой переглянулись. Я ничего не поняла, если честно. Маринка, похоже, тоже.

– Что, прямо так и было написано, – переспросила Маринка, – прямо проституткой назвали?

– Ну, проституткой не проституткой, но что гуляет с мужиками – это прописали точно, – подтвердила белобрысяя.

– А вы сами читали? – осторожно спросила я.

– Я – нет, – призналась белобрысяя, – мне рассказали.

– Да эту газету теперь хрен найдешь, – вмешалась шатенка. – Все ж прочитать хотят, вот и расхватали. Юлька, значит, перед тем как повеситься, написала записку, что, типа, не могу жить с такой славой, стыдно и прочее. И газету эту рядом с запиской положила, чтобы понятно было... Колька, муж ее, так плакал...

– Да, – поддержала ее белобрысяя и сильнее закачала свою коляску, – жалко парня. И нормальная же семья была. Кто-то позавидовал.

– Или сглазили, – сказала шатенка, – это, может, Юлькина мать.

– Да ты что? Против своей родной дочери такое задумать? – ужаснулась белобрысяя, подумала, привстала и поправила одеяло на своем ребенке.

– А она не против дочери, а против их семьи, – важно произнесла шатенка, – а порча, значит, и перекинулась на Юльку. Вот в прошлом году, помнишь, у Петровны сын утонул? Это она к экстрасенсу ходила и просила, чтобы тот его

от запоев вылечил, ну тот и вылечил. Сашка теперь уж точно не пьет.

Мы с Маринкой еще раз переглянулись и встали. Больше здесь узнавать было нечего, узнали все, что было нужно, и даже чуть-чуть лишнего.

– Спасибо, – сказала я мамашкам и пошла обратно к «Ладе».

– Ну, что скажешь, подруга? – спросила я у Маринки, когда мы отошли на несколько шагов.

– А что я скажу? – переспросила Маринка, вздрагивая от очередного «кукареку». – Кто-то отпечатал один номер нашей газеты и подсунул этой Юльке, вот она и того... понервничала.

– Какой номер? – не поняла я.

– Ну, такой же, как и наш, только статью новую всунул, где про Юлю Пузанову написал всякие гадости.

– Не забывай, – напомнила я, – что газету нам принес сам Николай, и она была та самая, что делали мы, ничего лишнего. По логике, он должен был прийти ко мне именно с тем номером, на который и ссылалась его жена.

– Может быть, в этом номере еще какая-то статья есть, – заупрямилась Маринка. Ей понравилась ее версия. – Просто мы не в ту смотрели. Я помню этот номер, там еще Ромкина статья есть. И моя, кстати. Но я писала про дома, представляющие историческую ценность, и про кредиты по траншу Министерства культуры, – тут же уточнила она.

Мы подошли уже почти к самой «Ладе», как вдруг справа от нас послышался какой-то крик. Но это уже было не «ку-кареку», а что-то человеческое и не очень приятное.

Мы оглянулись.

От дома, стоящего первым в ряду пятиэтажек, к нам бежал Николай Пузанов. В руке у него была длинная палка.

– Ой, мама, – прошептала Маринка и быстро открыла дверь «Лады».

Она шмыгнула в салон и крикнула мне:

– Ну ты что там застыла? Хочешь получить дубиной по балде?

Я прыгнула за нею следом, и Виктор, всегда бывший на чеку, тут же рванул машину с места.

Я обернулась и увидела, как Коля, поскользнувшись, едва не упал, но быстро вскочил на ноги и, видя, что мы уезжаем, кинул палку нам вслед. Она не долетела до бампера всего ничего, каких-то несколько метров.

Обе мамашки, сидя на лавочке, смотрела на нашу «Ладу», открыв рты и выпучив глаза.

– Ну вот, – проворчала Маринка, – теперь в этот двор и не сунешься больше, сразу скажут: журналисты-убийцы приехали. Самих еще убьют.

– Или свяжут и позовут Николая, – сказала я, закуривая. – А он точно убьет.

Маринка промолчала, и в этот момент зазвонил мой со-товик.

– О, правильно! – сказала Маринка. – Поговори и давай его мне, я всегда буду держать на нем два пальца наготове.

– Почему два, – не поняла я, вынимая телефон из сумки, – какие два пальца?

– Ну, два пальца, – Маринка потрясла у меня перед лицом рукой, – чтобы сразу моментально нажать «ноль» и «два» и звать милицию.

– Это когда меня убивать будут? – невесело усмехнулась я.

– Ну! – кивнула головой Маринка.

Я наконец-то достала телефон и ответила на звонок:

– Да!

– Салам и шолом, о светоч души моей! – прокричал Фима мне прямо в ухо. – Ты где?

– В машине, – ответила я, – а ты?

– И я тоже! – засмеялся Фима. – Кажется, мы с тобой дошли до абсолютной гармонии: испытываем одинаковые ощущения в одно и то же время. Что скажешь?

– Скажу, что у тебя с чувством юмора нелады, – заметила я.

– Это у тебя с ним не очень, солнышко мое, – запротестовал Фима, – ну, я в общем догадываюсь о причине твоего настроения. Я все узнал.

– Что ты узнал?

– Ну ты же оставила мне сообщение через секретаря. Забыла?

– К сожалению, нет, – ответила я. – То есть получается,

что ты уже в курсе?

– Можно сказать, что в самом полном объеме, но... – Фима замялся, и я догадалась о причинах. Их было несколько, а точнее – две. Фима очень правильно опасался говорить по телефону на темы, которые он считал серьезными, а вторая причина была банальнее. Он хотел слить свою информацию не просто так, а при личном общении. Меня это сегодня устраивало, как никогда. С Фимой мне нужно было посоветоваться.

– Ты хочешь что-то предложить? – якобы наивно спросила я, уже зная, чего мне ожидать.

– Только покушать, только покушать в приличном, светлом и людном месте, мечта моя, ты не подумай какого-нибудь свинства! – затараторил Фима, не изменяя своим радостным интонациям. – Фима чист и светел как в помыслах, так и во внешности! – выдал он под финиш и затаился в ожидании моей реакции.

– Ну и какое же светлое место вы выбрали, светлый юноша? – не выдержав и улыбнувшись, спросила я.

– Кафе «Лира» достойно вас, девушка? – поигрывая интонациями, спросил Фима.

– Мы туда уже едем, – сказала я.

– Кто это «мы», – заворчал Фима, – я вообще-то приглашал только тебя. Ты что же, даже на деловые свидания едешь с дуэньями и евнухами? Это несовременно!

Я покосилась на Маринку, напряженно прислушивающуюся.

юся к разговору.

– Я знала, что тебе приятно будет увидеть не только меня, но и Марину с Виктором, – быстро сказала я и отключилась, не давая Фиме возможности ответить. А ответить он вполне мог что-то такое, что Маринке бы не очень понравилось.

Фима вот уже несколько лет упорно, как помешанный горняк, разрабатывал совершенно пустую жилу, намереваясь найти там самородок. Так тонко и поэтически я назвала его маниакальное желание перевести наши с ним дружеские отношения в плоскость более чем дружескую. Я знала, что ему ничего не светит, но сам Фима категорически отказывался даже мысль допускать об этом. Я устала ему объяснять прописные истины и больше не заикалась об этом.

Договорившись с Фимой о встрече, мы поехали из этого тоскливого куриного захолустья в самый центр города, где на Немецкой улице располагалось кафе «Лири».

Не знаю, почему Фима часто назначал мне именно здесь встречи, хотя до его места работы это кафе находилось далеко. Но какие-то причины у Фимы для этого наверняка были, и я лично подозревала две.

Первая причина была культурной – в «Лири» лабал неплохой оркестр, который днем, когда не было наплыва средне-статистических клиентов, исполнял замечательные блюзовые композиции. Вторая причина была прозаичной и чисто мужской, то есть потребительской. Однажды Фима проболтался мне, что совсем недалеко от «Лиры» живет один его

приятель, часто отсутствующий дома. А даже если он присутствует, то для лучшего друга, каковым, без сомнения, является Фима, тут же собраться и уйти к чертовой матери для него не составляет проблемы.

– Фима не хотел меня видеть? – настороженно спросила Маринка, заглядывая мне в глаза.

– Немного не так, – ушла я от ответа, стараясь потщательней сформулировать приемлемую версию.

– А как же? – Маринка сверлила меня взглядом, упорно добиваясь правды. Пришлось ей предоставить правду, достаточно правдоподобную, между прочим. Здорово я сказала, да?

– Он удивился, что я не одна в машине, и когда я ему объяснила, кто со мною, ну ты это сама слышала, то он сказал, что тебя-то лично он будет очень рад видеть.

– Да? – с сомнением переспросила Маринка. – А я что-то такого и не просекла. Он точно это сказал?

– Да точно, точно, – раздраженно произнесла я, усилив свою правдоподобную правду еще и капелькой артистизма, – я даже немного огорчилась. Про меня он не сказал, что очень рад будет видеть, только про тебя.

Маринка помолчала и снисходительно похлопала меня по руке.

– Не огорчайся, Оль, мужики, они все такие. Черт их разберет. Вертихвосты, одним словом. Не огорчайся. Будет и на твоей улице... этот...

– Фима? – с надеждой переспросила я.

– Праздник! – отрезала Маринка. – Праздник!

Мы с ней переглянулись и рассмеялись.

Итак, кафе «Лира» располагалось на проспекте, называемом по традиции Немецкой улицей. Улица эта была пешеходная, поэтому «Ладу» пришлось оставить за полквартила от кафе на Радищевской.

Мы вышли из машины. Виктор запер машину, проверил двери на всякий случай и, осмотревшись по сторонам, пошел позади нас с Маринкой.

Виктор всегда легко входил в обязанности бодигарда, как только в нем как в охраннике возникала такая потребность. Вот как сейчас, например.

События, разворачивающиеся вокруг самоубийства Юлии Пузановой, были настолько неожиданно пугающими и откровенно озадачивающими, что не знаю, как Маринке, а мне бодигард ну никак бы не помешал.

Фима нас уже ждал. Он сидел в первом зале за крайним столиком, слева около окна, закрытого белой шторой. Оркестр наигрывал печальную композицию. Посетителей было немного.

– Здравствуй, Оля, всем привет, тебе, Мариночка, привет особый, – как всегда многословно и вычурно, поздоровался с нами Фима. – Здесь сегодня неплохо кормят. Есть хотите, девушки?

Мы с Маринкой отказались, уступив только повторным

домоганиям и согласившись на апельсиновый сок. Виктор взял себе чаю с пирожным. Везет ему: он такой худой, что даже два пирожных ему нипочем, а тут... Но не будем о грустном, и так все набекрень.

– Ну что, Оля, – сказал Фима, иронично поглядывая на меня. – Можно сказать, что ты немножко вляпалась, так сказать, вляпалась опосредованно, то есть косвенно. Это называется «невезуха».

– Да мы уж в курсе, – пробурчала Маринка.

– А как это можно вляпаться косвенно? – спросила я, видя по Фиме, что пока ничего страшного не происходит.

Фима, обычно не умеющий сдерживать ни чувств, ни тем более выражения лица, сегодня был настроен достаточно благодушно. Ну, может быть, совсем чуть-чуть только какое-то напряжение проскальзывало у него в острых быстрых взглядах, бросаемых на меня, да движения были немного резковатыми.

Но нужно знать Фиму, он весь немного такой порывистый, как... не скажу кто, и так все ясно.

– А вот сейчас я вам и объясню, девушка, что значит вляпаться опосредованно, – посулил Фима. – Привожу самый простой пример, например, как говорил наш современный Златоуст по имени Михаил Сергеевич. Опосредованно – это когда кто-то начинает утверждать тебе, что ты верблюд, а ты должна доказывать обратное, потому что считаешь, что на сие животное не похожа ни фи́га.

– А на кого похожа? – зачем-то спросила Маринка. Ей, наверное, хотелось, чтобы Фима и ее не обходил вниманием.

– Ольга Юрьевна похожа на девушку моей мечты, – серьезно сказал Фима и тут же пересел на свою любимую тему. – Ольга Юрьевна – это один из необходимейших компонентов моего понятия о счастье. Открываешь утром глаза, а рядом... хм... твоя, Маринка, начальница.

– Знаю, знаю, – поморщилась я, – и о продолжении догадываюсь: «...и тут открывается дверь и входит твоя жена». Не нужны мне эти эквилибры, и прекрати отвлекаться от темы, пожалуйста.

– Я не отвлекаюсь, Оля, – сказал Фима, обиженно надувая губы, – я говорю о том, что наболело и накипело. Вот когда переболит и перекипит и я стану старым, лысым и шамкающим евреем, а ты останешься все такой же молодой и... ну, неважно еще какой, вот тогда, может быть, я и перестану, а сейчас – не дождешься!

– Ты начал лучше, – напредила я, – что-то там о верблюде.

– Ну, ты все о делах, – вздохнул Фима и начал смиряться, – все о них, проклятых. Ну ладно, не буду испытывать ваше терпение, девушки. Скажу все, что есть. Прямо сейчас.

– Хотелось бы услышать, – пробормотала Маринка, органически не перенося никого разговорчивей себя.

– Тогда слушайте. – Фима, словно он сидел не за столом в кафе, а стоял в зале суда, выпятил грудь, повел рукой и начал излагать: – Сия трагедия произошла три дня назад на

улице под названием «Пятый строительный тупик». Это где-то в таких ебенях, прошу прощения, что я точно и не знаю, на карте, может, и найду, а сам не поеду ни за что.

– Мы там только что были, – сказала Маринка, – на самом деле захоlustье. Там даже куры пешком ходят во главе с петухом.

– Куры – это хорошо, – кивнул Фима, – поджаренные, с хрустящей корочкой. К ним немного красного вина, полумрак и... и опять твою начальницу, Мариночка.

– Не дожدهшься, – отрезала я, а Маринка продолжила за чем-то предыдущую тему:

– Куры были живыми.

– Это хуже, – непонятно по какому поводу вздохнул Фима, – они некоторым образом... хм, ну ладно. Не перебивайте меня, а то я никогда не закончу. Я так и понял, что вам захочется туда съездить, но я думал, что вы поедете после разговора со мной. Короче, история такая.

Фима отпил глоток сока и кашлянул.

– Пардон, дамы. Итак, три дня назад возвращается с работы домой некто Николай Пузанов, работник одного из автотранспортных предприятий. Отпирает дверь, а его супруга Юлия с такой же фамилией, извините, повесилась. Повесилась – это не я сказал, – тут же уточнил Фима, – это вывод следствия. Парень, конечно же, бросается к ней, старается вытащить из петли, вызывает милицию, «Скорую» – все как положено. Вернулся он с работы в восемнадцать часов с ко-

пейками, его жена уже три-четыре часа как была мертва, то есть это случилось приблизительно в два – в половине третьего, где-то так. У парня железобетонное алиби, и куча свидетелей подтверждает, что он был на работе все это время. Подвезли его после работы почти до самого дома коллеги, ну и прочее. Одним словом, парень вне подозрений.

Фима сделал еще глоток и выжидательно посмотрел на меня.

– Продолжайте, маэстро, – попросила я его, – аудитория честно ждет.

– Продолжаю, – с полупоклоном сказал Фима. – Рядом с телом была обнаружена записка. Просто вырванный из блокнота или тетрадки листик или даже половина листика с одной строчкой: «Я больше не могу», и подписью: «Юля». Числа нет, больше никаких объяснений нет, но записка лежала на газете. А газета эта – номер «Свидетеля» недельной приблизительно давности, не помню точно, и раскрыта была газета на статье некоей Ольги Юрьевны Бойковой. В статье пишется что-то про клуб «Времена года» и дана фотография Юлии Пузановой.

– Про статью мы все знаем, – сказала я.

– Номер газеты был подлинный или подделка? – спросила Маринка, не забывшая свою сказочную версию.

Фима пожал плечами.

– Понятия не имею. У экспертов он сомнения не вызвал, если они проверяли, конечно, а проверяли ли – тоже не имею

понятия, – признался он. – Содержание статьи – так себе. Ну я имею в виду то, – спохватился Фима, – что содержание это вовсе не такое уж жуткое, чтобы от него лезть в петлю. В этом мнении сходятся все. То есть однозначно можно сказать, что нормальный человек не стал бы не то чтобы вешаться, а даже долго переживать. Даже самый нервный. Ну что еще сказать? Была изучена входная дверь, вещи на предмет отпечатков пальцев посторонних лиц – ничего лишнего. Ничего. То есть дверь отпиралась родным ключом, и чужих отпечатков пальцев нет. Вот так.

– Дверь была заперта изнутри? – спросила я, пытаюсь представить себе метод проникновения гипотетического преступника в квартиру.

– Я понял тебя, – кивнув, сказал Фима. – Нет, дверь была захлопнута, то есть заперта на защелку, что, впрочем, обычно люди и делают. Это когда все уходят из квартиры, то стремятся запереть получше, а тут зачем ей было запираяться? Незачем.

– Одним словом, – я попробовала сформулировать вывод, – эксперты уверены, что причиной смерти Юлии Пузановой было самоубийство?

– Следователь уверен в этом, и дело почти закрыто. Уже. – Фима рубанул ладонью по воздуху, подчеркивая этим жестом, что все уже решено и навсегда. – Тебе повезло, душа моя. Как только я узнал в чем дело, я сразу же со следователем и созвонился. Он как раз собирался рисовать тебе по-

вестку. Так что после нашей милой беседы поедем на другую, не менее милую: будешь давать показания, все-таки тебя запачкали подозрением. Но не волнуйся, если я правильно понял этого следователя, для него разговор с тобой просто формальность, потому что себе мнение он уже составил. В принципе, следователя понять можно: дело – явный глухарь, если бы, не дай бог, опера хоть что-то бы нашли. Но не найдено было ничего, что указывало бы на убийство. Ничего. Поэтому дело и закрыли.

– Не поторопились? – Маринка упорно старалась перетянуть внимание на себя, но с Фимой этот фокус не проходил. Как я уже сказала, он поставил перед собой стратегическую цель и шел к ней, не отвлекаясь на... на... даже на таких замечательных девушек, как Маринка. Вот так я скажу.

– Нет, – сказал Фима, обращаясь все равно ко мне, – я же сказал: никаких лишних следов. Все даже слишком логично для самоубийства: мотив, условия, поза и прочее. Единственное, что – сам мотив какой-то, мягко говоря, непонятный, но чужая душа – потемки. К тому же было высказано мнение, что муж Юлии Николай Пузанов был мужем довольно-таки ревнивым, и у них часто происходили ссоры, и довольно громкие, по поводу ее гуляний и развлечений, так сказать. Вполне реально, что, увидев эту статью, ревнивый Отелло-Пузанов мог посчитать, что задета фамильная честь, и устроить супруге маленький скандал с заходом на неделю. Газета же, напоминая, недельной давности. Ну вот, вслед-

ствие скандала она и не выдержала. Собственно, на этом соображении следователь и построил основную версию. Вот и все.

Фима замолчал, взял бокал и начал пить сок. Мы тоже молчали, переваривая услышанное. Наконец Маринка спросила:

– А что известно об этой Юлии? Сколько ей лет, чем занималась, ну и так далее. Может, она была психически неуравновешенной или алкоголичкой?

Фима кивнул.

– Я, разумеется, поинтересовался, но прежде всего хочу сказать однозначно. Оля, – Фима наклонился вперед и проникновенно взглянул мне в глаза, – никто, ты понимаешь меня, никто из работников отдела даже и не думает предъявлять тебе никаких обвинений, потому что сами они считают и статью безобидной, и причину, мягко говоря, не совсем адекватной для такого рода деяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.